

КОНЦЕПЦИЯ РЫНКОВ ВЛАСТИ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА

ЛЕВИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

*доктор экономических наук,
 профессор кафедры экономической теории
 и государственного управления,
 Кемеровский государственный университет,
 e-mail: levin.sergey.n@gmail.com;*

САБЛИН КИРИЛЛ СЕРГЕЕВИЧ,

*кандидат экономических наук,
 доцент кафедры экономической теории
 и государственного управления,
 Кемеровский государственный университет,
 e-mail: sablin_ks@mail.ru*

В статье дается характеристика постсоветской институциональной трансформации экономики и общества в России, построенная на использовании методологии рынков власти. Данная методология представляет собой вариант политико-экономического подхода. В статье обосновываются ее преимущества в сравнении с другими политико-экономическими подходами, такими как концепция социальных порядков Норта – Уоллиса – Вайнгаста и модель инклюзивных и экстрактивных политических и экономических институтов Дж. Робинсона и Д. Асемоглу. Дается развернутая характеристика условий формирования в постсоветской России гибридного политико-административного рынка, выделены его акторы, охарактеризована их мотивация. Спецификой представленного подхода является характеристика институционального развития во взаимосвязи с исторически сложившейся ресурсно-отраслевой структурой экономики. С нашей точки зрения, исторически сложившийся характер именно этих взаимосвязей ресурсно-отраслевой и институциональной организации экономики является основой действия эффектов исторической обусловленности развития и блокировки. Проведенный анализ показал, что первый из них проявился в том, что вместо формирования в России системы, построенной на разделении и взаимодействии экономических и политических рынков, произошло формирование гибридного политико-административного рынка, причем в его централизованном варианте. Критерием действия эффекта блокировки выступает то, что проекты перехода от анклавной двойственной экономики к целостной экономике фактически провалились.

Ключевые слова: *эффект исторической обусловленности развития; эффект блокировки; рынки власти; гибридный политико-административный рынок; анклавная двойственная экономика; целостная экономика.*

THE CONCEPT OF THE POWER MARKETS AS A METHODOLOGY TO STUDY MODERN RUSSIAN ECONOMY AND SOCIETY INSTITUTIONAL ORGANIZATION

SERGEY N. LEVIN,

*Doctor of Economics,
Professor of the Department of «Economics
and Public Administration»,
Kemerovo State University, Kemerovo
e-mail: levin.sergey.n@gmail.com;*

KIRILL S. SABLIN,

*Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of «Economics
and Public Administration»,
Kemerovo State University, Kemerovo
e-mail: sablin_ks@mail.ru*

Characteristics of the post-Soviet institutional transformation of the economy and society in Russia based on using power market methodology are highlighted in the article. The methodology is a variant of the political-economic approach. The article substantiates its advantages in comparison with other political-economic approaches, such as North-Wallis-Weingast concept of social orders, and J. A. Robinson and D. Acemoglu model of inclusive and extractive political and economic institutions. Detailed characteristics of the conditions formation of hybrid political-administrative market in the post-Soviet Russia are given as well as its actors are highlighted and their motivation is analyzed. The specificity of the presented approach is the characteristic of institutional development in the conjunction with the historically formed resource and sectoral structure of the Russian economy. From our point of view, the historically formed character of these interconnections of the resource-sector and institutional organization of the Russian economy is the basis for the path dependence and lock-in effects. The fulfilled analysis showed that the path dependence effect was manifested in the fact that hybrid political-administrative market was formed instead of institutional system that built on the separation and interaction of economic and political markets in Russia, and hybrid political-administrative market has its centralized variant. The criterion for lock-in effect is that the projects of transition from enclave dual economy to integrated economy in Russia have actually failed.

Keywords: *path dependence effect; lock-in effect, power markets; hybrid political-administrative market; enclave dual economy; integrated economy.*

JEL: O43

Постановка проблемы

Сложившаяся в современной России институциональная организация экономики и общества характеризуется следующими особенностями:

Во-первых, она качественно отличается от той модели, которая сложилась в странах с развитой рыночной экономикой и политической демократией.

Во-вторых, она обеспечивает «выживание» российской экономики и общества, но не создает достаточных стимулов для развития. Проблема заключается в том, что в рамках существующих институциональных ограничений ни государство, ни

предприниматели, ни тем более представители гражданского общества не выступают в качестве эффективных субъектов развития, ориентированных на решение долгосрочных задач.

В этой связи постоянно возникают проекты, ориентированные на трансформацию институциональной организации экономики и общества в России по нормативному образцу стран с развитой рыночной экономикой и политической демократией. Речь идет об ориентации на модель так называемых качественных институтов, обеспечивающих гарантии прав собственности, экономическую и политическую конкуренцию, минимизацию транзакционных издержек. Предполагается, что такая система по умолчанию будет эффективно функционировать в условиях современной России. Однако проблема заключается в том, что именно такой институциональный проект является нормативно провозглашенной целью федеральной власти с начала 1990-х гг. Мы пережили целый ряд «либеральных» волн институциональных реформ в самых разных сферах экономики и общества. Однако в результате возникшая реальная система их институциональной организации остается качественно отличной от провозглашенной нормативной модели, и при этом не обеспечивает решение задач долговременного социально-экономического развития. В то же время опыт многих стран с развивающимися рынками, например – Китая, показывает, что институциональные системы, формально еще больше отличающиеся от нормативной модели, оказываются сравнительно более эффективными, чем институциональная организация экономики и общества в России.

Возникшая научная проблема имеет как позитивную, так и нормативную составляющую. С позиции позитивной экономической науки необходимо выявить причины и условия «воспроизводства» специфической модели институциональной организации экономики и общества, сложившейся в России. С позиции нормативной экономической науки необходимо выявить новые подходы к проектированию институциональных реформ, которые обеспечат формирование эффективных институтов, соответствующих специфике России, и позволят избежать многочисленных провалов в институциональном проектировании. Многие авторы отмечают наличие таких провалов, например, в реформировании государственного управления (Капогузов, 2014; Тамбовцев, 1997) и бюджетной системы (Капогузов, 2013; Курбатова, 2016; Тамбовцев и Рождественская, 2014).

В этой связи центральное место занимает вопрос о поиске методологического подхода, позволяющего решать возникающие позитивные и нормативные исследовательские задачи. Предложенный концептуальный подход должен позволить комплексно анализировать институциональную организацию экономики и общества, прежде всего во взаимосвязи экономики и политики. В этом плане он должен соответствовать критериям, предложенным М. Олсоном, который представил развернутое обоснование необходимости исследовательской концепции, способной «одновременно охватить проблемы и рынков, и политической организации обществ» (Олсон, 2012, с. 26). Данная концепция должна позволить дать характеристику существующих альтернатив институциональной организации взаимодействия экономики и политики с позиции их сравнительной эффективности, соответствуя условиям «места и времени». В англоязычной литературе речь идет о принципе *place-based approach*, который рассматривается в рамках поиска оптимальных вариантов развития различных регионов (Foray, David and Hall, 2009; Bellefontaine and Wisener, 2011).

Цель статьи заключается в характеристике концепции рынков власти как методологии исследования институциональной организации экономики и общества, выявлении ее сравнительных преимуществ перед методологическими подходами в решении позитивных и нормативных исследовательских задач.

Подходы к исследованию институциональной организации взаимосвязи экономики и политики

В качестве наиболее известных методологических концепций, объясняющих взаимосвязи между экономикой и политикой, выступают междисциплинарная концепция социальных порядков Норта – Уоллиса – Вайнгаста (*Норт, Уоллис и Вайнгаст, 2011*) и экономическая теория экстрактивных и инклюзивных институтов (экономических истоков диктатуры и демократии) Д. Асемоглу и Дж. Робинсона (*Асемоглу и Робинсон, 2015*).

В рамках первой из них в центре внимания оказались проблемы установления институционального контроля над насилием. При этом возникает следующая концептуальная схема развития общества: примитивный порядок; порядок ограниченного доступа, или естественное государство; порядок открытого доступа (*Норт и др., 2011, с. 40*). Современное развитие авторы связывают с переходом от естественного государства к порядку открытого доступа. Естественное государство решает проблему насилия путем создания господствующей коалиции, члены которой отказываются от использования имеющегося у них ресурса насилия в обмен на ренту. В результате возникает устойчивое разделение общества на элитарные организации, образующие господствующую коалицию, и остальное общество. Достоинством данного подхода является эволюция естественного государства от хрупкого до зрелого. В рамках зрелого естественного государства возникают и развиваются элитарные организации, непосредственно не контролируемые им (*Норт и др., 2011, с. 69*). Переход от зрелого естественного государства к порядку открытого доступа оказывается возможным при формировании так называемых *пороговых условий*, к которым авторы относят: верховенство права для элит; постоянно существующие формы общественных и частных организаций, включая само государство; консолидированный политический контроль над вооруженными силами.

Применительно к современной России, в работах как основоположников этой концепции, так и отечественных авторов, основное место занял вопрос о возможности формирования в ней пороговых условий для перехода от естественного государства к порядку открытого доступа (*Зудин, 2013; Плискевич, 2013; Яковлев, 2012*). Интересно отметить, что в работе Б. Вайнгайста речь идет о том, что в 2000-е гг. Россия даже вернулась от состояния зрелого естественного государства к базисному (*Уэйнгайтс, 2009*). Хотя по нашему мнению, весьма сомнительной является характеристика России 1990-х гг. с ее глубокой децентрализацией насилия и расцветом силового предпринимательства (*Волков, 2005*) как зрелого естественного государства.

В настоящее время можно отметить определенное снижение интереса к применению данной концепции для анализа проблем институциональной трансформации современной России. Во многом это явилось следствием того, что данная концепция носит чрезмерно междисциплинарный характер, что приводит к недостаточной «жесткости» получаемых результатов. Интересно, что авторы предисловия к русскоязычному изданию книги в этой связи отмечают, что «в сравнительном плане более понятной и привычной для современных экономистов стала книга Д. Асемоглу и Дж. Робинсона «Экономические основания диктатуры и демократии» (*Норт и др., 2011, с. 30*). В последнее время появился ряд работ, в которых методологические подходы данной концепции применяются для исследований трансформации российской экономики и общества. С нашей точки зрения особый интерес представляет работа Е. В. Балацкого и Н. М. Плискевич «Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события» (*Балацкий и Плискевич, 2017*). Фактически они, попытавшись последовательно применить концепцию Д. Асемоглу и Дж. Робинсона к институциональной эволюции отечественной экономики и общества, выявили ряд ограничений, которые не позволили авторам данного концепта дать убедительного

объяснения феномена советского экономического роста. Для разрешения данного парадокса авторы вынуждены были дать принципиально иную трактовку соотношения экстрактивных и инклюзивных институтов, при этом рассматривая их в контексте закономерностей технологического и культурного развития.

Концепция экстрактивных и инклюзивных экономических и политических институтов Д. Асемоглу и Дж. Робинсона базируется на их достаточно жестком дуализме и при этом включает явно выраженный «нормативный» аспект. Инклюзивные институты обеспечивают экономический рост и условия для роста благосостояния населения. При этом в трактовке авторов экономические инклюзивные институты включают набор «качественных институтов» рыночного типа: защищенные права частной собственности, беспристрастная система правосудия и равные возможности для участия граждан в экономической активности. Политические инклюзивные институты характеризуются через сочетание плюрализма и централизованности. Противоположный им тип институтов характеризуется не как «эксклюзивный», а именно как экстрактивный, то есть направленный на то, чтобы выжать максимальный доход от эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части, то есть их трактовка носит однозначно негативный характер.

По существу данная методологическая концепция, обладая преимуществом более жесткого экономико-теоретического подхода по сравнению с концепцией Норта – Уоллиса – Вайнгаста, отличается еще большим дуализмом и нормативизмом. Концепция открытого доступа уже выступает в качестве идеальной модели, фиксирующей ряд черт стран с развитой рыночной экономикой и политической демократией, и служит нормативным идеалом. В концепции Д. Асемоглу и Дж. Робинсона этот аспект еще более усиливается, при этом вопрос об объективных ограничениях движения к системе инклюзивных экономических и политических институтов, наличии исторически сложившихся предпосылок для этого практически не ставится. Данная концепция при этом приобретает «внеисторический» характер. В то же время опыт показывает, что даже наличие политически активных групп, выступающих за переход к системе, построенной на принципах политической и экономической конкуренции, не гарантирует достижения этой цели. В этом плане показателен разрыв между ожиданиями авторов концепта и объективными результатами так называемой «арабской весны» (Acemoglu and Robinson, 2012). Опыт показал, что она практически нигде не привела к эффективной институциональной организации экономики и общества, способной обеспечить долговременное социально-экономическое развитие. Более того, в ряде стран (Ливия, Йемен, отчасти Сирия) «арабская весна» привела к возникновению ситуации «несостоявшихся государств» (failed states). В то же время представленная концепция не объясняет в полной мере феномен успешного развития многих стран Юго-восточной Азии, включая современный Китай, где сохраняются политические институты, которые, согласно представленной модели, можно определить как экстрактивные.

Проведенный анализ концепции порядков открытого и закрытого доступа Норта – Уоллиса – Вайнгаста и модели инклюзивных и экстрактивных политических и экономических институтов Д. Асемоглу и Дж. Робинсона показывает, что они не в полной мере отвечают требованиям позитивного анализа взаимосвязи экономики и общества и не позволяют провести сравнительную характеристику эффективности существующего многообразия дискретных структурных альтернатив организации такой взаимосвязи.

Концепция рынков власти: источники и содержание

Предлагаемая авторами концепция рынков власти как дискретных структурных альтернатив институциональной организации экономики и общества опирается на целый ряд источников. В первую очередь она выступает как развитие подхода теории общественного выбора, лежащей в основе новой политической экономии. В рамках теории общественного выбора было обосновано представление о политике как о системе

особого рода рынков. В этом плане показательна цитата Дж. Бьюкенена: «Политика есть сложная система обмена между индивидами, в которой последние коллективно стремятся к достижению своих частных интересов, так как не могут реализовать их путем обычного рыночного обмена. Здесь нет других интересов, кроме индивидуальных. На рынке люди меняют яблоки на апельсины, а в политике – соглашаются платить налоги в обмен на необходимые всем и каждому блага: от местной пожарной охраны до суда» (Бьюкенен, 1997, с. 23).

Предложенный в рамках теории общественного выбора подход отражает преимущественно реалии стран со сложившейся рыночной экономикой и политической демократией. Для данной системы характерно разделение экономических и политических рынков. Политические торги происходят в рамках общественного (публичного) сектора, и предметом этих торгов являются вопросы производства и финансирования общественных (публичных) благ. Основными акторами данных торгов выступают избиратели, политики и бюрократы (профессиональные государственные служащие). Акторы экономических рынков, прежде всего – предприниматели, реализуют свои интересы через групповую конкуренцию на политическом рынке. При этом «группы специальных интересов» на политическом рынке выступают как «лобби», «группы давления». Таким образом, предприниматели и другие участники экономических рынков получают доступ к политическому ресурсу преимущественно через коллективные действия. Получаемая выгода связана с созданием благоприятных условий для всей группы специальных интересов, и, как правило, не превращается в индивидуальный политический ресурс отдельных акторов экономических рынков. Хотя существуют практики, которые демонстрируют исключения из этого правила.

В то же время возникает вопрос, в какой степени такой «рыночный подход» применим для анализа институциональной организации, построенной на системе централизованного контроля экономики и общества. Опыт функционирования социалистических экономик показал, что в этих системах сохраняются и развиваются многообразные формы вертикальных и горизонтальных торгов. Большой вклад в исследование реальных механизмов функционирования данных экономик внес Я. Корнаи (Корнаи, 1990). Такой «рыночный подход» к анализу взаимосвязи в рамках формально централизованной системы получил развернутое обоснование в рамках концепции административных рынков.

Разработка данной концепции была осуществлена группой экономистов и социологов, среди которых можно выделить В. А. Найшуля (Найшуль, 1991), Е. Т. Гайдара (Гайдар, 1990), С. Г. Кордонского (Кордонский, 2000), П. О. Авена и В. М. Широина (Авен и Широин, 1987), С. А. Белановского (Белановский, 1989). Акторами горизонтальных и вертикальных торгов выступали различные группы партийно-политической и хозяйственной номенклатуры. Центральным элементом в этой системе была вертикальная плановая сделка. Инструментом торга представителей вышестоящих структур являлся контроль над ресурсами и право на принятие решений об изменении статуса нижестоящих в рамках властной вертикали (повышение и понижение статуса). Важнейшим инструментом нижестоящих участников агентской цепочки являлся контроль над информацией. Речь идет о частном варианте проблемы «принципал-агент». Агенты, располагая информационным преимуществом о текущем состоянии дел, могут вести себя оппортунистически по отношению к вышестоящим участникам. При этом участники торгов были ориентированы, прежде всего, на смягчение бюджетных ограничений. Вертикальные торги дополнялись разнообразными «черными», «серыми» и даже «белыми» горизонтальными торгами.

Развертывание административных торгов во многом содействовало снижению эффективности экономической системы советского типа. Сформировавшиеся в рамках такой системы торгов узкие по составу группы специальных интересов постепенно

превращались в распределительные коалиции. В этом плане показательна оценка их деятельности, данная М. Олсоном, который написал о проблеме так называемого «красного социального склероза» (Олсон, 1995).

С нашей точки зрения, классические политические рынки и административные рынки это крайние, в определенном смысле, идеальные типы рынков власти. В большинстве случаев речь идет о различных модификациях институционального гибрида, который можно определить как политико-административный рынок. В реальных практиках, как правило, классические политические и административные торги переплетаются друг с другом, образуя различные комбинации. В этом смысле развитые страны отличаются тем, что в них политические рынки занимают центральное место в системе взаимодействия экономики и политики, экономических и политических акторов. С другой стороны, даже в таких экономических системах, как Корейская Народно-Демократическая Республика или Куба, в рамках преобладания административных рынков происходит усиление роли и значения горизонтальных трансакций. В странах с развивающимися рынками, в которых проживает большая часть населения Земли, сложились различные варианты гибридных политико-административных рынков. Более того, в ряде развитых стран, таких например как Япония и Южная Корея, реалии взаимодействия экономических и политических акторов достаточно далеки от «стандартов» преобладания классических политических рынков.

Ярким примером является Япония, в которой в течение многих десятилетий существовала полуторапартийная система, в рамках которой взаимодействия экономических и политических акторов были описаны М. Аоки как «бюроплюрализм» (Аоки, 1995). Представительство экономических интересов осуществлялось параллельно через фракцию Либерально-демократической партии и бюрократические организации, обладающие высоким статусом, такие как Министерство внешней торговли и промышленности, Министерство финансов и ряд других.

Общей чертой стран с развивающимися рынками, даже при наличии относительно развитых механизмов политической демократии, является преобладание форм взаимодействия экономических и политических акторов, ориентированных на накопление индивидуального политического ресурса. Это объясняет то, что в них преобладающей формой организации крупного бизнеса становится не компания, а бизнес-группа, построенная на несвязанной (конгломератной) диверсификации. Важнейшим конкурентным преимуществом бизнес-групп является наличие индивидуального политического ресурса. Эти проблемы получили достаточно обширное отражение в научной литературе, и описаны под разными названиями, например: «политически связанные фирмы» (Faccio, 2006), «ценность политических связей» (Fisman, 2001).

Опыт показывает, что различные варианты гибридных политико-административных рынков могут как обеспечивать ускоренное социально-экономическое развитие, так и вести к стагнации национальной экономики. В результате эти практики в экономической и социологической литературе описываются, с одной стороны, как «государство развития» (Johnson, 1982), «коррупция развития» (Wedeman, 1997; Bardhan, 1997), а с другой – как «приятельский капитализм» (crony capitalism) (Волков, 2010), и уже отмеченные экстрактивные политические и экономические институты. В этой связи гибридный политико-административный рынок можно определить как класс, который включает множество дискретных структурных альтернатив, обладающих разной сравнительной эффективностью. Возникает вопрос об обосновании и условиях формирования эффективных вариантов гибридного политико-административного рынка в странах с развивающимися рынками. Этот вопрос имеет принципиальное значение с позиции не только позитивных, но и нормативных проблем поиска оптимальных вариантов социально-экономического развития России, институциональной организации взаимосвязи экономики и общества, которая, с нашей точки зрения, представляет вариант гибридного политико-административного рынка.

**Российский политико-административный рынок
в контексте эффектов исторической обусловленности развития
(path dependence) и блокировки (lock-in)**

Формирование в России гибридного политико-административного рынка является ярким проявлением эффекта исторической обусловленности развития (path dependence). Программа экономических и политических реформ, реализуемая в 1990-е гг., была ориентирована на создание в России институциональной системы, построенной на разделении экономических и политических рынков, развитии экономической и политической конкуренции. Важнейшее место в решении задач ухода от позднесоветской системы, построенной на преобладании административных рынков, сращивании экономических, политических и управленческих трансакций, реформаторы отводили массовой приватизации. В этом плане показательна оценка роли приватизации, данная Е. Т. Гайдаром: «Россию у номенклатуры нельзя, да и не нужно отнимать силой, её можно выкупить. Если собственность отделяется от власти, если возникает свободный рынок, где собственность все равно будет свободно перемещаться, подчиняясь закону конкуренции, это и есть оптимальное решение. Пусть изначально на этом рынке номенклатура занимает самые сильные позиции, это является лишь залогом преемственности прав собственности» (Гайдар, 1997, с. 153–154). Предполагалось, что на следующем этапе частные собственники предъявят массовой «спрос на право». Речь в данном случае идет как об их ориентации на активное использование в экономике либеральных формальных норм, так и о коллективных действиях на политическом рынке, направленных на дальнейшее совершенствование этих норм и практики их применения. Таким образом, предполагалось, что возникнут классические формы взаимодействия экономических и политических акторов, когда экономические акторы, прежде всего предприниматели, действуя как группа специальных интересов, выступают субъектами спроса на политическом рынке. Предложение на политическом рынке должны были формировать классические субъекты принятия политических решений (Афонцев, 2015) в лице публичных политиков и профессиональных (рациональных) бюрократов. При этом в 1990-х – начале 2000-х гг. реформаторы считали, что во многом эти задачи решить удалось. Однако дальнейший ход событий показал, что институциональная трансформация российской экономики и социума привели к результатам, которые кардинально отличались от их замыслов. В этом плане показательна оценка системы реальных прав собственности в России, данная А. Б. Чубайсом. Он пишет о недостаточной защищенности прав частной собственности, отмечая, что она «...как известно, у нас не вполне частная и не вполне собственность. Сегодня частная, а завтра как-то оказалось, что она даже и не частная» (Чубайс, 2017).

Институциональная трансформация отечественной экономики и общества пошла по пути, который характеризовался вытеснением из системы как политических, так и экономических и управленческих трансакций, как шумпетерианских (классических) предпринимателей, так и публичных политиков и рациональных бюрократов. Это было обусловлено следующими обстоятельствами:

Во-первых, российское государство сохранило авторитарный характер. Это выразилось в том, что в рамках формирующейся политико-экономической системы позиции верховного актора сохранила и постепенно укрепила «правлящая группа» («правитель»), представленная высшим звеном политизированной бюрократии, выступающей наследницей советской партийно-хозяйственной номенклатуры. Спецификой отечественной «правлящей группы» является высокая степень ее персонификации вначале в лице Б. Н. Ельцина, а затем – В. В. Путина. «Правящая группа» сохраняла не только политический контроль, но и де-факто – роль верховного владельца прав собственности, в том числе на формально приватизированные активы. Это проявилось уже в 1990-е гг., хотя формальная степень автономии представителей крупного бизнеса тогда была высока.

Во-вторых, сложившаяся в советский период ресурсно-отраслевая структура экономики базировалась на крупномасштабных индустриальных комплексах и носила, по сути, анклавный характер. Важнейшими анклавами отечественной экономики являлись ресурсный сектор (ТЭК) и отрасли военно-промышленного комплекса. Исторически взаимосвязи как внутри них, так и между ними обеспечивались системой горизонтальных и вертикальных административных торгов, при решающей роли последних. В советский период особую роль в интеграции экономики и общества играла система статусных торгов между акторами, входящими в две переплетающиеся агентские цепочки в лице партийно-политической и хозяйственной номенклатуры (*Рихтер и Фуруботн, 2005, с. 459–471*). В этих условиях дезинтеграция советских административных рынков привела к фрагментации не только экономики, но и общества. Эффект исторической обусловленности развития проявился в том, что в качестве ведущих акторов в реинтеграции российской экономики и социума выступили обладающие индивидуальным политическим ресурсом «наследники» этих двух ветвей советской номенклатуры в лице так называемых «олигархов» и представителей региональных властных структур, которые не только по своим функциям, но и во многом персонально в 1990-е гг. выступили как «выходцы» из структур территориальных партийно-советских органов. В результате на всех уровнях, при формальном разделении политических, экономических и управленческих трансакций, реально воспроизвелось их сращивание. Вместо разделения взаимодействия политических и экономических рынков возник гибридный политико-административный рынок, центральными акторами которого на всех уровнях выступили политизированные бюрократы (в институциональном смысле – это «наследники» партийно-политической номенклатуры) и политизированные предприниматели, которые в современных условиях во многом выполняют функции советских отраслевых министерств и ведомств.

В результате сформировалась многоуровневая система статусных торгов между «правлящей группой», политизированными бюрократами и политизированными предпринимателями. «Гибридность» данной системы проявляется в том, что в нее были интегрированы элементы и формы квазиклассических (административно управляемых) политических рынков в форме выборов, узаконенной многопартийности, наличия легально действующей не только системной, но и внесистемной оппозиции. В 2000-е гг. постсоветская реинтеграция экономики и социума завершилась в рамках восстановления в новой форме вертикали власти, означавшей резкое усиление переговорной позиции «правлящей группы» по отношению ко всем остальным звеньям политизированных бюрократов и политизированных предпринимателей. Возникшая система обеспечила реинтеграцию политико-экономического пространства России и ее выживание. В то же время возникает вопрос о ее способности обеспечить долговременное социально-экономическое и политическое развитие страны. По сути, речь идет об оценке эффективности сложившейся политико-экономической системы.

С нашей точки зрения, критерий эффективности любой политико-экономической системы не может носить чисто универсальный характер (в этом слабость разных моделей качественных институтов, инклюзивных политических и экономических институтов и др.). Оценка эффективности сложившейся в любой стране системы должна быть «привязана», прежде всего, к специфике исторически сложившейся ресурсно-отраслевой структуры ее экономики. Россия исторически относится к странам, основу экономики которых составляет ресурсный сектор. Именно экспортно-ориентированный ресурсный сектор определяет место страны в глобальных цепочках создания стоимости.

Альтернативами развития экономики такого типа выступают следующие варианты: анклавная двойственная экономика и целостная экономика (*Левин, Каган и Саблин, 2015*). Эффективность институциональной системы страны заключается в её способности обеспечить выход экономики из «ловушки» анклавного развития, обеспечить ей целостное

развитие. Сформировавшаяся на рубеже 1990–2000-х гг. модель экономического роста отечественной экономики базировалась на ведущей роли экспортно-ресурсного сектора. Проблема подобной модели, которая позволяет определить ее как «рост без развития», заключалась в том, что она не привела к формированию длинных горизонтальных цепочек создания стоимости, позволяющих превратить экономику из совокупности анклавов в целостную систему.

В этих условиях в роли центральных экономических акторов выступают «олигархи», то есть крупные политизированные предприниматели, обладающие значимым индивидуальным политическим ресурсом. Специфика их мотивации заключается в том, что их основные экономические интересы связаны с анклавным экспортно-ресурсным сектором, поскольку он конкурентоспособен в глобальной экономике и обеспечивает не только доходы, но и рост стоимости их активов. Остаточные права на активы, прежде всего – в ресурсном секторе, распределялись между ними и высокостатусными политизированными бюрократами, в том числе из числа представителей «правлящей группы». В определенном смысле, и первые и вторые выступают как своего рода «сиамские близнецы», чьи функции не просто переплетаются, а зачастую они просто меняются местами. С нашей точки зрения, не совсем корректно говорить ни о «захвате государства», ни о «захвате бизнеса», поскольку речь идет о формально разделенной, но в реальности единой системе, объединяющей экономические, политические и управленческие трансакции. Можно выделить некоторые своеобразные «кейсы», например взятие «олигархом» (председателем Совета директоров группы «Ренова») В. Ф. Вексельбергом на себя функций Президента Фонда «Сколково», или превращение одного из ведущих представителей высшего звена политизированной бюрократии И. И. Сечина в Исполнительного директора нефтегазовой компании ПАО НК «Роснефть».

«Правящая группа», используя централизацию политико-экономической системы, и концентрацию в своих руках властных полномочий и экономических ресурсов, инициировала проекты развития, которые с ее точки зрения должны были преодолеть зависимость экономики России от экспортно-ресурсного сектора и обеспечить ее диверсификацию и целостное развитие. Это приняло форму сменяющих друг друга «мегапроектов» и инициатив: от развития инновационной экономики (проект «Сколково») до проектов новой индустриализации, импортозамещения и развития несырьевого экспорта. Предполагалось, что «олигархи» и политизированная бюрократия высшего звена обеспечат, используя механизмы централизованного перераспределения ресурсов, развитие широкого круга отраслевых и региональных полюсов роста, конкурентоспособных не только в национальной, но и в глобальной экономике. С институциональной точки зрения это предполагало расширение круга субъектов развития. Так, например, институты развития должны были стать площадками для деятельности инновационных предпринимателей и сформировать условия для роста в соответствующих секторах экономики числа квазишумпетерианских предпринимателей. Первые из них должны были стать соавторами эффективных правил игры рыночного типа, а вторые – использовать открывшиеся возможности для развития продуктивного предпринимательства (Левин, Саблин и Каган, 2017).

С другой стороны, в системе государственного управления должна была активизироваться деятельность политизированных бюрократов «некоррупционного» типа, прежде всего – так называемых идеологизированных бюрократов, чья функция включает мотивацию общественного служения (public service motivation). Однако на практике использование механизмов, в том числе неформальных, перераспределения ресурсов, центральными акторами которых были «олигархи» и политизированные бюрократы высшего звена, привели к следующему:

Во-первых, к расширению возможностей извлечения политической ренты, в том числе и коррупционных доходов, вышеуказанными акторами.

Во-вторых, возникающие отдельные «очаги» инновационной экономики и обрабатывающей промышленности сами превращались в анклав, зависящие от централизованных вливаний со стороны государства. В результате наиболее типичной моделью поведения предпринимателей становилось «нишевое рентоискательство», а среди государственных служащих разных уровней власти дополнительные возможности получили политизированные бюрократы коррупционного типа.

Проведенный анализ показывает, что в развитии институциональной системы экономики и социума России проявился эффект блокировки. Влиятельные группы экономических и политических акторов модифицировали предлагаемые проекты развития, превратив их в источник дополнительных рентных и коррупционных доходов, максимизирующих их частную эффективность. При этом социальная эффективность экономики не растет. Это порождает комплекс социально-экономических проблем: стагнация экономики, рост социального неравенства и социально-политической напряженности.

В результате возникает ситуация, когда существующая политико-экономическая система не обеспечивает условия для устойчивого и целостного развития российской экономики и решения круга соответствующих социальных задач. С другой стороны, альтернативные предложения по реорганизации политико-экономической системы сводятся в основном к стандартным институциональным проектам по развитию экономической и политической конкуренции, формированию в России институциональной системы с конкурентной рыночной экономикой и политической демократией. По существу, предлагается вернуться к тем институциональным проектам, которые уже реализовались в России во время «перестройки» и институциональных реформ 1990-х – начала 2000-х гг. При этом остается без ответа вопрос о том, почему предшествующие попытки не привели к успеху. С позиции теории институционального проектирования (Тамбовцев, 2008) при разработке и реализации экономических и политических реформ, которые представляют крупномасштабные проекты, необходимо дать серьезную аналитическую оценку причинам провала предшествующих реформ, которые были ориентированы на достижение тех же самых целей. С нашей точки зрения, данная аналитическая задача пока не решена. Это означает, что мы можем столкнуться с новым провалом институционального проектирования, когда проекты соответствующих реформ приведут не к формированию эффективной институциональной системы, построенной на политической и экономической конкуренции, а только могут запустить новую «волну» политической и экономической дезинтеграции российской экономики и социума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авен П. О. и Широнин В. М. (1987). Реформа хозяйственного механизма: реальность намечаемых преобразований // *Известия СО АН СССР. Серия «Экономика и прикладная социология»*, Вып. 3, № 13, с. 33–37.

Аоки М. (1995). Фирма в японской экономике. СПб.: Лениздат.

Асемоглу Д. и Робинсон Дж. (2015). Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: Изд. дом. НИУ ВШЭ.

Афонцев С. А. (2015). Политические рынки и экономическая политика. М.: URSS.

Балацкий Е. В. и Плискевич Н. М. (2017). Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события // *Мир России: Социология, этнология*, Т. 26, № 4, с. 97–117.

Белановский С. А. (1989). Социальный механизм планирования // *Постижение*. М.: Прогресс, с. 169–190.

Бьюкенен Дж. (1997). Сочинения. Серия «Нобелевские лауреаты по экономике», Т. 1. М.: Таурус–Альфа.

Волков В. В. (2005). Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.

Волков В. В. (2010). Проблема надежных гарантий прав собственности и российский вариант вертикальной политической интеграции // *Вопросы экономики*, № 8, с. 4–27.

Гайдар Е. Т. (1990). Экономические реформы и иерархические структуры. М.: Наука.

Гайдар Е. Т. (1997). Государство и эволюция. Как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян. СПб.: Норма.

Зудин А. Ю. (2013). Бизнес и государство в России: опыт применения подхода Норта – Уоллиса – Вайнгаста. Статья 1. Этапы развития российских бизнес-ассоциаций // *Общественные науки и современность*, № 2, с. 15–31.

Капогузов Е. А. (2013). Структурные альтернативы производства государственных услуг // *Экономическая политика*, № 4, с. 112–132.

Капогузов Е. А. (2014). Институциональные факторы успешности реформ государственного управления // *Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая*, № 2, с. 46–53.

Кордонский С. Г. (2000). Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ.

Корнаи Я. (1990). Дефицит. М.: Наука.

Курбатова М. В. (2016). Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия // *Мир России: Социология, этнология*, Т. 25, № 4, с. 59–86.

Левин С. Н., Каган Е. С. и Саблин К. С. (2015). Регионы «ресурсного типа» в современной российской экономике // *Журнал институциональных исследований*, Т. 7, № 3, с. 92–101.

Левин С. Н., Саблин К. С. и Каган Е. С. (2017). За пределами «стеклянного колпака»: инновационное предпринимательство в регионах «ресурсного типа» в России // *Журнал институциональных исследований*, Т. 9, № 3, с. 119–132.

Найшуль В. (1991). Высшая и последняя стадия социализма // *Погружение в трясину (Анатомия застоя)*. М.: Прогресс, с. 31–62.

Норт Д., Уоллис Дж., и Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара.

Олсон М. (1995). Распределение власти и общество в переходный период. Лекарства от коррупции, распада и замедления экономического роста // *Экономика и математические методы*, Т. 31, Вып. 4, с. 53–81.

Олсон М. (2012). Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство.

Плискевич Н. М. (2013). Возможности трансформации в России и концепция Норта – Уоллиса – Вайнгаста. Статья 1. Срывы модернизации: вчера и сегодня // *Общественные науки и современность*, № 5, с. 37–50.

Тамбовцев В. Л. (1997). Государство и переходная экономика: пределы управляемости. М.: ТЕИС.

Тамбовцев В. Л. (2008). Основы институционального проектирования. М.: Изд. дом «ИНФРА-М».

Тамбовцев В. Л. и Рождественская И. А. (2014). Реформа высшего образования в России: международный опыт и экономическая теория // *Вопросы экономики*, № 5, с. 97–108.

Уэйнгайт Б. (2009). Почему развивающиеся страны так сопротивляются верховенству закона? // *Прогнозис*, № 2, с. 135–164.

Фуруботн Э. Г. и Рихтер Р. (2005). Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: Изд. дом. СПбГУ.

Чубайс А. Б. (2017). Уже точно не молодой и, очевидно, не реформатор. – Официальный сайт РБК. (<http://www.rbc.ru/business/03/06/2017/5931a0b79a7947a267e2d800> – Дата обращения: 09.11.2018).

Яковлев А. А. (2012). Коммунистические убеждения и их влияние на развитие экономики и общества: применение новых подходов Д. Норта к анализу исторического опыта СССР // *Мир России: Социология, этнология*, Т. 21, № 4, с. 154–167.

Acemoglu, D. and Robinson, J. A. (2012). *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Publishers.

Bardhan, P. (1997). Corruption and Development: A Review of Issues // *Journal of Economic Literature*, 35(3), 1320–1346.

Bellefontaine, T. and Wisener, R. (2011). The Evaluation of Place-Based Approaches: Questions for Further Research. Policy Horizons Canada (www.horizons.gc.ca – Дата обращения: 20.08.2018).

Faccio, M. (2006). Politically Connected Firms // *The American Economic Review*, 96(1), 369–386.

Fisman, R. (2001). Estimating the Value of Political Connections // *The American Economic Review*, 91(4), 1095–1102.

Foray, D., David, P. A. and Hall, B. (2009). Smart Specialization – The Concept // *Knowledge Economists Policy Brief*, 9, 5 p.

Johnson, C. (1982). *MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975*. Stanford: Stanford University Press.

Wedeman, A. (1997). Looters, Rent-Scrapers, and Dividend-Collectors: Corruption and Growth in Zaire, South Korea, and the Philippines // *Journal of Developing Areas*, 31(4), 457–478.

REFERENCES

Acemoglu, D. and Robinson, J. (2015). *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Moscow, NRU HSE Publishing. (In Russian).

Acemoglu, D. and Robinson, J. A. (2012). *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Publishers.

Afontsev, S. A. (2015). *Political Markets and Economic Policy*. Moscow, URSS. (In Russian).

Aoki, M. (1995). *Firm in the Japanese Economy*. Saint-Petersburg, Lenizdat. (In Russian).

Aven, P. O. and Shironin, V. M. (1987). Reform of the economic mechanism: the reality of the planned transformations. *Herald of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR. Series "Economics and Applied Sociology"*, 3(13), 33–37. (In Russian).

Balatsky, E. V. and Plishevich, N. M. (2017). Economic growth in the context of extractive institutions: the Soviet paradox and contemporary events. *Universe of Russia: Sociology, Ethnology*, 26(4), 97–117. (In Russian).

Bardhan, P. (1997). Corruption and Development: A Review of Issues // *Journal of Economic Literature*, 35(3), 1320–1346.

Belanovsky, S. A. (1989). *Social Planning Mechanism, Comprehension*. Moscow, Progress, 169–190. (In Russian).

Bellefontaine, T. and Wisener, R. (2011). The Evaluation of Place-Based Approaches: Questions for Further Research. Policy Horizons Canada (www.horizons.gc.ca – Access Date: 20.08.2018).

Buchanan, J. (1997). *Essays*. Series "Nobel Laureates in Economics", vol. 1. Moscow, Taurus-Alpha. (In Russian).

Chubais, A. (2017). I am definitely not young and obviously not a reformer. Official site of Russian Business Channel. (<http://www.rbc.ru/business/03/06/2017/5931a0b79a7947a267e2d800> – Access Date: 09.11.2018). (In Russian).

- Faccio, M. (2006). Politically Connected Firms // *The American Economic Review*, 96(1), 369–386.
- Fisman, R. (2001). Estimating the Value of Political Connections // *The American Economic Review*, 91(4), 1095–1102.
- Foray, D., David, P. A. and Hall, B. (2009). Smart Specialization – The Concept // *Knowledge Economists Policy Brief*, 9, 5 p.
- Furubotn, E. and Richter, R. (2005). Institutions and Economic Theory. The Contribution of New Institutional Economics. Saint-Petersburg, Publishing House of St. Petersburg State University. (In Russian).
- Gaidar, E. T. (1990). Economic Reforms and Hierarchical Structures. Moscow, Nauka. (In Russian).
- Gaidar, E. T. (1997). State and Evolution. How to Separate Property from Power and to Improve Welfare of the Russians. Saint-Petersburg, Norma. (In Russian).
- Johnson, C. (1982). MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975. Stanford: Stanford University Press.
- Kapoguzov, E. A. (2013). Structural Alternatives of Production of Public Services. *Economic Policy*, 4, 112–132. (In Russian).
- Kapoguzov, E. A. (2014). Institutional Factors of Success of Public Administration Reforms. *Scientific Papers of Donetsk National Technical University. Series: Economic*, 2, 46–53. (In Russian).
- Kordonsky, S. G. (2000). Power Markets: Administrative Markets of the USSR and Russia. Moscow, OGI. (In Russian).
- Kornai, J. (1990). Deficit. Moscow, Nauka. (In Russian).
- Kurbatova, M. V. (2016). Reform of Higher Education as an Institutional Project of the Russian Bureaucracy: Content and Consequences. *Universe of Russia: Sociology, Ethnology*, 25(4), 59–86. (In Russian).
- Levin, S. N., Kagan, E. S. and Sablin, K. S. (2015). Regions of the “Resource Type” in the Modern Russian Economy. *Journal of Institutional Studies*, 7 (3), 92–101. (In Russian).
- Levin, S. N., Sablin, K. S. and Kagan, E. S. (2017). Beyond “Bell Jar”: Innovative Entrepreneurship in “Resource-Type” Regions of Russia. *Journal of Institutional Studies*, 9(3), 119–132. (In Russian).
- Naishul, V. (1991). Higher and Last Stage of Socialism. *Immersion in the Quagmire (Anatomy of Stagnation)*. Moscow, Progress, 31–62. (In Russian).
- North, D., Wallis, J., and Waingast, B. (2011). Violence and Social Orders. Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Moscow, Publishing House of Gaidar Institute. (In Russian).
- Olson, M. (1995). The Dispersal of Power and Society in Transition. Cure for Corruption, Decay and Slowdown of Economic Growth. *Economics and Mathematical Methods*, 31, 53–81. (In Russian).
- Olson, M. (2012). Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships. Moscow, New Publishing. (In Russian).
- Pliskevich, N. M. (2013). Transformation Opportunities in Russia and the Concept of North – Wallis – Waingast. Article 1. Breakdowns of Modernization: Yesterday and Today. *Social Sciences and Modernity*, 5, 37–50. (In Russian).
- Tambovtsev, V. L. and Rozhdestvenskaya, I. A. (2014). Reform of Higher Education in Russia: International Experience and Economic Theory. *Questions of Economics*, 5, 97–108. (In Russian).
- Tambovtsev, V. L. (1997). State and Transition Economy: Limits of Control. Moscow, TEIS. (In Russian).
- Tambovtsev, V. L. (2008). Basics of Institutional Design. Moscow, “INFRA-M”. (In Russian).

Volkov, V. V. (2005). *Violent Entrepreneurship: Economic and Sociological Analysis*. Moscow, SU-HSE Publishing. (In Russian).

Volkov, V. V. (2010). The Problem of Reliable Guarantees of Property Rights and the Russian Version of Vertical Political Integration. *Questions of Economics*, 8, 4–27. (In Russian).

Waingast, B. (2009). Why do Developing Countries Resist the Rule of Law? *Prognosis*, 2, 135–164. (In Russian).

Wedeman, A. (1997). Looters, Rent-Scrapers, and Dividend-Collectors: Corruption and Growth in Zaire, South Korea, and the Philippines // *Journal of Developing Areas*, 31(4), 457–478.

Yakovlev, A. A. (2012). Communist Beliefs and Their Impact on Development of Economy and Society: Application of D. North's Approach to the Analysis of the Historical Experience of the USSR. *Universe of Russia: Sociology, Ethnology*, 21(4), 154–167. (In Russian).

Zudin, A. Yu. (2013). Business and State in Russia: Experience in Applying North – Wallis – Weingast Approach. Article 1. Stages of Development of Russian Business Associations. *Social Sciences and Modernity*, 2, 15–31. (In Russian).